

Это было невероятно. В это просто нельзя было поверить. Настя и не верила, подходя к кафе «Две Панды», в котором ее ждал... нет, нет. Так не бывает.

Пожалуй, это было проще всего: внушить себе «не бывает» и делать вид, что просто прогуливаешься по Москве и раздумываешь, не зайти ли в уютное кафе. Тем сильнее был риск расточиться на атомы, когда все окажется правдой. Потому что, однако же, все и было правдой...

Правда, похожая на мыльную оперу, над которой и смеяться-то грешно: провинциальная девчонка без связей и знакомств, из нищей семьи, только-только окончившая балетное, натыкается на объявление — «Великий Эльмаро ищет пару» — по пьяни подает заявку на кастинг (в тот день ей стукнуло восемнадцать, и ее впервые напоили), проходит все три тура, как по маслу, и Эльмаро, величайший танцовщик и шоумен всех времен и народов, выбирает ее, Настю Негуляеву, из сотен лучших танцовщиц всего мира.

Прежняя партнерша Эльмаро, несравненная Тамила, погибла в автокатастрофе. Какой-нибудь месяц назад Настя ревела, глядя на фото Тамилы, которыми были обвешаны стены ее комнаты... Для первого тура требовалось видео шести разных номеров, включающих импровизацию и головоломные акробатические трюки. Хихикая и показывая всем, в какую прикольную игру она ввязалась, пьяная Настя накидала ссылок на записи своих многочисленных конкурсов и состязаний. Через три недели, когда она и думать забыла обо всей этой истории, ей пришло письмо. Открыв рот, Настя читала, что она отобрана на второй тур и ее приглашают в Москву.

Розыгрыш? Дурная шутка? Вербовка в бордель?

Обсудив с родителями эти версии, Настя все-таки села в самолет, успокоив маму, что она уже большая девочка, на третий тур ей точно не пройти, а слетать в Москву на казенный счет никогда не помешает.

На втором туре она должна была в три дня придумать, выучить и показать номер на музыку, данную ей по прибытии. Настя измыслила нечто,вшавшее отвращение ей самой, и отчаянно пыталась все это запомнить, забыв про сон и питаясь одним кофе. Перед выходом на сцену ей сказали, что великий Эльмаро не сможет присутствовать, и ему покажут запись ее выступления. В полуобморочном состоянии Настя вышла и, позабыв все свои задумки, сымпровизировала некий танец отчаяния, бравады и хаоса — помесь брейка с умирающим лебедем. Когда этот позор кончился, она бродила по улицам Москвы до самого вечера и ревела, огрызаясь прохожим, и потом вернулась к себе в номер, чтобы медленно, с методичной яростью собирать вещи, пока не уснула прямо посреди разложенного белья.

В девять утра ее разбудил звонок. Вежливый голос сообщил, что Настя прошла на третий тур, где ей предстоит танцевать с великим Эльмаро. Сегодня в восемь вечера репетиция.

Весь день Настя слонялась по городу, каждые десять минут поглядывая на часы. В полвосьмого она уже была на месте. Потоптавшись у входа, она решилась проскользнуть внутрь и пробраться в зал — разведать, что и как.

У входа на сцену ее ждал Эльмаро — высокий, харизматичный, неотразимо гибкий мулат с пронзительно-циничной улыбкой, коловшей сердца миллионов поклонников.

— Правильно. Педанты приходят вовремя, а творческие люди — на полчаса раньше.

Понедельник начинается в субботу. Пойдем, Анастасия.

В его устах Настино полное имя звучало глумливо, будто он стебался над Олимпом, куда Настя вознеслась с его помощью.

Они вошли на сцену, слабо освещенную двумя голубыми софитами.

— Тут так темно, — сказала Настя, не зная, что сказать еще.

— Темные дела делаются в темноте. За работу!

Эльмаро показывал, вдохновлял, увлекал и дразнил Настю, распоряжаясь ее телом, как своей собственностью, — а она на автомате, как послушный зомби, пыталась делать то, что ей говорили, так и не поверив в реальность происходящего.

— Ну, Анастасия! Что это за свежеморожденный хек вместо тебя? Твой вчерашний танец — это было что-то! Энергия, страсть, бешеные эмоции, схватка жизни и смерти! А сейчас что? Вчера твоя сила вдавила меня в зал, как космонавта на старте...

— В зал?

— Да. Я наврал, что не приду, чтобы вы не писались от страха и работали на полную. А сам сидел в зале. Ты только вышла на сцену — и я уже знал, что отберу тебя.

— А, кроме меня, много еще... на третий тур?..

Эльмаро помолчал, улыбаясь ей в глаза. Потом сказал:

— Никого.

— Как... никого?

— Вот так. Мы трепаться будем или работать?

Ток, неведомо откуда вошедший в Настю, лишил ее веса, и она летала в руках Эльмаро вопреки закону Ньютона, вне времени, пространства и рассудка. Когда, наконец, наступила пауза, Эльмаро глянул на часы и сказал:

— Без четверти час. Метро уже все. Отвезу тебя.

Настя хотела спросить, когда третий тур, но на нее вдруг навалилась усталость, тяжелая, как крышка гроба, и она не смогла издать ни звука. Не чуя ног, она прошла за Эльмаро к его машине.

Они доехали в молчании — и, когда она сказала ему «до свидания», он не ответил, глядя на нее с той же улыбкой.

Настя не знала, что это могло значить. Она вообще ничего не знала и не понимала.

Добравшись на автопилоте к номеру, она рухнула в постель и уснула, как была — потная, в одежде и в обуви.

В девять утра ее снова разбудил звонок. Все тот же вежливый голос поздравил Настю с тем, что великий Эльмаро выбрал ее, Анастасию Негуляеву, и сообщил, что тот ждет ее к одиннадцати утра в кафе «Две Панды», чтобы обсудить условия их сотрудничества.

— А... а... а третий тур? — пролепетала Настя.

— Ты прошла его вчера. Это и был третий тур.

— Здравствуйте, — сказала Настя, подходя к столику, где сидел Эльмаро.

Она старалась здороваться приятно и приветливо, но получилось по-пионерски, и Настя почувствовала, как густо краснеет.

— Здравствуйте, — в тон ей ответил Эльмаро. Его улыбка жгла Настю, и та застыла у столика.

— Так и будешь стоять? Тогда и мне придется встать.

— Ой. Извините... — Настя с грохотом отодвинула стул и села, чуть не опрокинув его.

— Извиняю. Ты в шоке, не знаешь, как держаться, как реагировать — понимаю. И не жду от тебя восторгов и экстазов, не бойся. То, что я сейчас скажу, повергнет тебя в куда больший шок. В супершок. Так что расслабься и не думай, какое впечатление ты производишь — ты его уже произвела. Окэй?

— Окэй, — отозвалась Настя.

— Ну вот и славно. Первое: я предлагаю выпить за замечательно талантливую и красивую девушку Анастасию и за ее успех. Вот твой бокал. В нем вино — его пьют. Вот так — открывают рот, и... ам!

Пунцовая Настя залпом опустошила бокал. Вино обожгло ее, как жидкий огонь.

— Ого. Если ты и алкоголичка, то не слишком опытная, — сказал Эльмаро, глядя, как Настя кашляет. — Итак, Анастасия. Расслабься и слушай меня. Первое: с этого момента ты называешь меня Артуром. Если хочешь — Артурчиком, если хочешь — Артуром Роландовичем, мне все равно. Это мое тайное имя, так меня называют только близкие мне люди. А ты теперь становишься одним из самых близких мне людей — если, конечно, согласна. Ну что, договорились?

Настя кивнула.

— Круто. Теперь о тебе. Комplиментов делать не буду: то, что тебя выбрал сам Эльмаро, говорит обо всем. Партнер по танцу для меня — очень близкий человек. Танец — вся моя жизнь, а партнер — не больше, не меньше, как половина этой жизни. Теперь ты — моя половина. Во всех смыслах, Анастасия. У партнеров должны быть максимально близкие отношения — иначе не будет того слияния душ и тел, которое нужно в нашем деле. Ты будешь жить у меня и спать со мной в моей постели. Ты будешь много заниматься со мной сексом — и не просто сексом, а таким сексом, который поможет тебе превратиться из затюканной провинциальной лапочки в настоящую женщину. Ты должна принадлежать мне полностью — иначе у нас не будет того контакта, который мне нужен. Я буду изучать тебя, проникая тебе в тело и в душу так глубоко, как только смогу. Если у тебя есть парень, тебе придется бросить его: я не собираюсь делить тебя ни с кем. Я придумаю тебе новое имя, новый имидж, новую прическу, новый стиль. Я буду ломать и корежить Настю Негуляеву, чтобы вылепить из нее звезду, равную мне. Это самый серьезный выбор в твоей жизни, Анастасия. Ты выбираешь совершенно новую жизнь, новое рождение. Прежней Насти уже не будет. Ты готова с ней проститься? Настя смотрела на Эльмаро-Антона во все глаза.

— Не торопись. Я понимаю: этот вопрос — не из тех, на которые можно ответить сразу. Даю тебе время до вечера. К шести часам ты сообщаешь мне свое решение. Если ты согласна — мы сразу едем к моим стилистам, которые отправят в небытие Настю Негуляеву, сформировав вместо нее будущую суперстар. Она переселяется ко мне, и мы немедленно приступаем к изучению друг друга во всех возможных аспектах, телесных и духовных. Если не согласна...

— Я согласна, — глухо сказала Настя.

Эльмаро помолчал. Потом улыбнулся своей пронзительной улыбкой.

— И что, не хочешь подумать?

— Я... уже подумала.

— Ёб твою мать, Анастасия! — Эльмаро хлопнул рукой по колену. — Ты такая же херанутая, как я. Привыкай-привыкай: я матершинник и говнюк, и не собираюсь притворяться, что это не так. Боишься?

— Боюсь, — обреченно кивнула Настя.

— Ха-ха-ха! Правильно отвечаешь!... Я знаю двух девочек, Анастасия. Они непохожи друг на друга, как я не похож на Цискаризде. Одну из них зовут Настей, и она сейчас сидит передо мной. Это такое очень-преочень воспитанное и закомплексованное существо с длинной косой, которую никогда не стригли и не красили, потому что Настя — не какая-нибудь там из этих, а занята серьезным делом, к тому же из приличной семьи. А вот другая... Другая — очуительно прекрасное и чувственное существо, выражющее в танце всю душу Вселенной, всю силу и страсть женского естества. Как ее зовут, я пока не знаю. Вторая проглядывает сквозь первую, скажем так, процентов на двадцать. Моя задача — выскооблить воспитанную Настю нахуй, чтобы та не мешала второй раскрыться в полную силу. Если ты не передумала — мы прямо сейчас поедем к моим ребятам, чтобы те добыли ее из-под Настиных комплексов и приличий. В последний раз спрашиваю — согласна?

— Да, — одними губами сказала Настя и, чтобы Эльмаро правильно понял ее, кивнула.

— Головой трясеешь, как коза... Наша Настя — милое существо, такой себе домашний котенок. Но этим мир не покоришь... Погнали, Анастасия. Нечего тут торчать — время проебывать. Добро пожаловать на путь порока!

По дороге он говорил ей:

— Наша лапочка и пусечка, между прочим, даже не поинтересовалась, на каких условиях я беру ее на работу. Люди называют это словом «лох». Условия такие: я беру ее к себе, учу танцевать, кормлю, одеваю, облизываю, ебу во все дыры, и все это совершенно бесплатно. Доходы от концертов распределяются просто: тебе — четверть, мне — три четверти. Как только я увижу, что ты равна мне — делим доходы пополам.

Настя слушала его, пытаясь представить, что с ней сделают стилисты Эльмаро. Она так привыкла к себе, что одна мысль о смене внешности окатывала ее потоком мурашек. О главном она старалась не думать...

Стилисты, красивые и наглые люди, быстрые, как метеоры, завертели-закружили ее в неистовом вихре, которым Эльмаро командовал, как шаман:

— Вот это чузырло, которое сейчас расплачется, потому что мамочка не держит ее за руку, — вот оно танцует лучше меня самого! Папой клянусь, сам не верил! Так, первое, что нам нужно сделать — убрать нахуй вот эту гимназистку, вот эту лапочку с косой. Ты сама не представляешь, Анастасия, какой демон в тебе сидит. Ты думаешь, что ты вся из себя вот такая — теплая и хорошая, как мамин пирожок? Нееет. На самом деле ты сильная и жестокая, как сама страсть. А любая жестокая страсть холодна. Это такой парадокс, ты его потом как-нибудь поймешь...

Настю усадили в кресло, обернули покрывалом, и она охнуть не успела, как ей срезали косу — ее драгоценность, священную семейную реликвию, которой родители гордились едва ли не больше Настиных побед на конкурсах... Из зеркала на нее растерянно глядела голова в каштановых лохмах, криво срезанных возле ушей.

Потом чья-то безжалостная рука водила жужжащей штуковиной по ее голове, и волосы сыпались Насте на нос и на щеки. Ее брили машинкой, как солдата! Холодные иглы впились в сердце, и Настя закрыла лицо руками, слыша где-то сзади смех Эльмаро. Потом жужжание кончилось, волосы перестали сыпаться, и Насте вымазали голову какой-то бурдой. Бурда непривычно холодаила голову, и Настя наконец осознала, что у нее больше нет длинных волос. Она отняла руки от лица — и увидела ушастого мальчишку с головой, вымазанной

белой жижей. Мальчишка этот не имел ничего общего с Настей, и она вскрикнула, вызвав у Эльмаро новый приступ хохота.

Потом с нее смыли жижу, и под ней обнаружились короткие волосики, белые и прозрачные, как иней. Их намазали новой жижей, снова смыли — и волосики приобрели серебристый блеск. Настя стала седой! И она уже не была Настей...

— Как звали Снежную Королеву? — грохотал за спиной Эльмаро. — Старый брехун Андерсен не признался нам, но на самом деле ее звали...

То, что недавно было Настей, жмурилось от фена и от кистей, сновавших по лицу.

— ... Ее звали... — тянул Эльмаро, ожидая, когда визажистки закончат свое дело. — Ее звали... девочки, ну быстрей же! Вы стоите на пути моей фантазии! Ее звали... ввааааау!

«Что, так и звали?» — хотела спросить Настя, но увидела себя в зеркале и застыла.

— Ее звали... ну конечно же! Ее звали Лия! Холод и чувственность! Лед и пламень! Эльмаро и Лия! Лия и Эльмаро! Девочки, вы превзошли самих себя!..

Новоиспеченная Лия смотрела, не отрываясь, на свое отражение, пытаясь нашупать связь между собой, Лией и гламурной красоткой в зеркале. Короткий полубокс цвета одуванчикового пуха, темно-вишневый рот, вычерненные веки, густые тени от глаз к вискам, снежные блестки по всему лицу... В зеркале блистала брутальная вамп, воплощение декаданса и эротики, — и она была лет на десять старше Насти...

— ... А ведь Снежная королева — страстная особа! Андерсен и это утаил, чтобы не возбудить своих буржуа. В ледяных жилах — огненная кровь! Ну-ка...

Он выдернул Настю-Лию из-под покрывала и бросил на руку в импульсивном па.

Настя еле удержалась на ногах. Вдруг разозлившись, он ринулась на него, обхватила за бедра, подняла, пару раз крутанула, стукнув головой об люстру, оттолкнула и села на шпагат в страстной позе.

Девочки поймали Эльмаро, бурно аплодируя Насте.

— Ого! — сказал тот, потирая макушку. — А я вам что говорил? А? А?

Потом Настю раздели догола и сочиняли прямо на ней эскизы трико, брызгая в нее краской из баллончиков. В ней смешалось столько эмоций, что она сама не понимала, стыдно ей или бесстыдно, страшно или весело. Потом ее вытолкнули в душ, она смыла краску и вышла, голая, обратно, потому что там была ее одежда, — и Эльмаро поймал ее, облапил за голое и показывал на ней, какая форма груди выражает настоящую страсть. Настя стащила баллончик с розовой краской и стала поливать ему волосы.

— Ааа! Вот она, месть! Ааа! — визжал Эльмаро под ржач всего салона. Настя таки выкрасила ему шевелюру, после чего победоносно оделась. Розовый, как покемон, Эльмаро обцеловал девочек и вывел ее на улицу.

— Вот наша котя и показала коготки, — сказал он, приглашая ее в машину. — Сильно разозлилась?

— Ну что вы. Когда я злюсь — я ваще зверь!

— Правильно отвечаешь. Вот сейчас мы и посмотрим, какой ты зверь, потому что я тебя сильно разозлю...

— Это как? — спросила Настя, холодея.

— А классное я тебе придумал имя, а? Лииииия... Говоришь — и хочется лииииипнуть к тебе...

— Вы уже начали меня злить?

— Нет. Это только разминка. А дома у нас будет другая разминка.

— Какая?

— Мы будем репетировать наш секс, Лия.

— Репе... тироваться? — спросила Настя. В животе у нее екнуло.

— Конечно. Ты думала, что вот так все сразу? Сначала мне надо разъебать тебя... ты уже привыкла, что я говнюк и все называю своими именами, да? Ты ведь у нас невинна, как слеза, да? Да? — Да...

— Собсно, я мог и не спрашивать... Вначале мы дефлорируем тебя, и это будет немножечко больно, и твоя пизденочка должна привыкнуть ко мне... и я тебе кое-что расскажу и покажу... Без секса нет и танца. Короче, это целое дело, а пока — первая репетиция... Приехали! — он остановил машину. — Боишься?

— Боюсь, — призналась Настя.

— Не бойся. — розовый Эльмаро вдруг подмигнул ей. — Это всегда бьет по нервам, я знаю. Но ты все равно не бойся.

Они вошли в квартиру, и Эльмаро тут же разделся догола.

— Ну? — спросил он, глядя на застывшую Настю, и та сделала то же самое. Священный момент снятия трусов уже был в салоне, и она не успела прочувствовать его до конца.

— Идем обмоем наши бренные тела, — сказал Эльмаро. Они вошли в ванную, огромную, как вся Настин квартира.

— Вымой меня, будь так любезна, — сказал он, с наслаждением потягиваясь под душем. С его головы текли розовые струи. — Вот губка, вот все.

Он не делал ни малейшей попытки приласкать, поцеловать или даже потрогать Настю, хоть та и сжалась в голый комок, ожидая чего-то такого. Настя стала медленно тереть губкой мускулистое тело. Эльмаро был красив, неприлично красив и сексуален. Два-три движения — и Настя вдруг поняла, какое это счастье — мыть его...

— Не стесняйся. Самое главное место тоже помой, — он развернулся к ней. Настя робко прикоснулась к его огромному волосатому хозяйству. — Нормально мой. Не бойся, я не хризантема.

Расчет Эльмаро был верным. Все было просто, даже буднично, но от прикосновений к его телу Настя быстро и сильно возбудилась. Собственная нагота вдруг зазвенела в ней бесстыдными мурашками. Она чувствовала, что не просто моет Эльмаро, а... Тот не говорил ничего, с удовольствием подставляясь ей, и она видела, что ему нравятся ее прикосновения, и не могла, просто не могла не таять от этого и не касаться его еще нежнее...

— Мощно, — сказал Эльмаро. — Видишь, что ты наделала?

Его член поднимался, как кран, высывая багровую башку из крайней плоти. Настя впервые в жизни наблюдала это таинство.

— А теперь я тебя. Хочешь, чтобы от тебя пахло, как от Тамилы? Это ее любимый гель, — он стал сильными, но мягкими движениями мыть Настю. Он не ласкал и не дразнил ее в интимных местах, — он просто беззастенчиво их задевал и касался, а потом сказал — Раздвинь, ты чего? — и влез туда, натянув створки. Последний раз Настю так мыли, когда ей было лет девять...

— Ну вот. Теперь вытираемся — и пошли.

Он подставил ее, потом сам вытер ее и вывел из ванной.

— Барррабанная дррробь... — шептал он, издеваясь над ней.

Они вошли в комнату, обставленную просто и роскошно. Настя никогда не была в таких богатых квартирах.

— Сейчас мы будем... как ты думаешь, что? Сейчас мы будем пьянствовать! Ты у нас знаменитый алкаш, я знаю, — он подмигнул ей, отодвигая стул. — Садись!

Настя села, поежившись от холода на голой попе.

Эльмаро включил музыку. Настя встрепенулась.

— Узнаешь?

— Это же... это же из вашего шоу «Краденое сердце»!

— Одобряешь?

— Самая любимая, — глухо сказала Настя. Обволакивающая, дерущая по шкуре и нервам мелодия дрожала и пульсировала, как тела Эльмаро и Тамилы...

— А я знаю. — Эльмаро достал из шкафа какую-то штуку. — Раздвинь-ка ножки, Лия.

— Что это? — охнула Настя, хоть и знала, что это.

— Ты знаешь. Раздвинь, раздвинь...

Он деловито, как на медосмотре, пристроил розовый прибор ей в раковинку. Тот впился в Настю неописуемой дрожью, которая вдруг слилась с музыкой. У Насти округлились глаза.

— А теперь пора и выпить. Да ты сядь, сядь удобней, не бойся. Не выпадет.

Эльмаро налил вина.

— Ну что, Лия... Во-первых — за твой талант. Это главное. Я счастлив, что нашел тебя. — Он вдруг стал серьезным, непривычно и странно серьезным. Это забавно сочеталось с его голым хозяйством. — Дзиннинь!

Они выпили. Терпкая, вкусная жидкость растеклась по Настиным нервам, смешавшись с вибрацией и музыкой.

— Второй тост — твой, — сказал он. Настя прокашлялась.

— Ну... в общем, спасибо вам, — сказала она басом. — Вот.

— И это все?

— Ну... ну не умею я говорить!

— Кто не умеет говорить — не умеет и танцевать. Сосредоточься.

— Ну...

Дело было не только в этом. Вибрация уже заметно натянула ей нутро, и Настя начинала чувствовать знакомые позывы, от которых в мозги шли помехи, как в телевизор.

— Я... я невероятно рада, что... и я совсем не ожидала... я просто так сюда приехала, я не думала, что так все будет, и вы выберете меня... («Я не могу говорить!» — кричал бедный ее мозг, затопленный вибрацией.) Эльмаро внимательно смотрел на нее, и надо было продолжать: — Но я очень горжусь вашим выбором, и это все нереально круто, и я... я... аааа... ааааааа...

Язык вдруг отказал ей. Настя опрокинула бокал, обмякая на стуле: вибрация в ней натягивалась, натягивалась — и вдруг набухла, скрутив ее нервы, как губку...

Сладкая волна против воли вскипела в ней, вырываясь стонами из горла. Эльмаро вдруг подбежал к ней, властно и умело обхватил ее — одной рукой под соски, другой между ног, — стащил со стула и завалил на пол. Кончающая Настя не могла ни сопротивляться, ни говорить: сильные касания Эльмаро усилили сладкую волну, тело требовало прикосновений и получало их, распаляясь все сильней... Она стояла на четвереньках, отклячивая против воли зад, и стонала, стонала, и ее беспомощный ум с ужасом наблюдал за происходящим...

А Эльмаро, не переставая мять Настию, пристроился к ней членом, обхватил ее за бедра — и резко насадил на себя.

— Гааа! — гаркнула Настя от неожиданности, — но Эльмаро уже выходил из нее, оставив стонать на полу.

— Смотри, — он подсел к ней, выпятив хозяйство. Настя, хватая воздух ртом, смотрела на кровавые разводы. — Больно было?

— Ннн... неееет... — с трудом выдохнула Настя.

— Ну вот и славно. Можешь лизнуть, это твоя девственность.

Наstя смотрела, тяжело дыша, на окровавленную колбасу Эльмаро, потом на самого Эльмаро...

— А не хочешь — не надо... — Он встал. — Вот и все, Лия! Иди сюда, иди... — он помог ей подняться. — Вот на это кресло. Я его застелил специальным покрывалом... на нем будет твоя девственность, и мы его сохраним... Садись, — он усадил ее в кресло, покрытое белой тканью. Наstя тут же обмякла в нем. Эльмаро сел перед ней на корточки.

— Ну? — улыбался он ей. — Ты уже женщина. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошооо... — выдохнула Наstя. Ей и правда было хорошо, хоть и безумно тоскливо от стыда.

— Ей бы — так обкончаться. Я знал, что ты страстная. Отдохни, и потом продолжим.

Он мило беседовал с ней, сидя на корточках, и его пушка, вымазанная Настиной кровью, торчала прямо в Наstю, и Наstя все время видела ее, и у нее снова стало ныть в паху, и снова очень захотелось прикосновений...

— Почему вы не ласкали, не целовали меня? — спросила она.

— Уууу, какая! У нас еще все впереди... Тебе было бы противно, — сказал он. — И ты не возбудилась бы, а наоборот. А так... Идем, я тебе кое-что покажу.

Голос у него снова стал серьезным, даже мрачным. Наstя подошла с ним к большому экрану.

— Садись, — он усадил ее перед ним и включил видео. Это был порнофильм: на кровати страстно целовалась голая парочка. В ней было что-то знакомое, что-то... Наstя ахнула, узнав Эльмаро и Тамилу.

— Но это же... — она глянула вверх на Эльмаро.

— Да, — сказал он. — Это мы. Смотри, что тебя ждет.

Парочка на экране влипала друг в дружку, доходя до неистовства. Тамила извивалась и дрыгала бедрами, пригвожденная к кровати губами и рукой Эльмаро. Он сунул пальцы ей во влагалище и с силой стал подминать его кверху, не прекращая поцелуя. Тамила забилась в конвульсиях, издавая небывалые, невыносимые звуки, которые просто нельзя было выдержать... Наstя поняла, что ласкает себя между ног, только тогда, когда ее руку накрыла там рука Эльмаро.

— А ты так умеешь? — прозвенел вкрадчивый шепот.

— Аааа... — выдохнула Наstя: его руки поползли по телу, подминая грудь.

— Ласкай себя, не стесняйся, — шептал Эльмаро, медленно и жестоко тиская Настино тловище. Экранный Эльмаро как раз вставлял член в Тамилу, сиявшую пронзительной улыбкой.

— Видишь эту улыбку? — хрипел живой Эльмаро, в то время как экранный скользил членом в утробе Тамилы. Наstе хорошо было видно, как тот ныряет и выныривает в розовых складках. — Ангел и дьявол воедино. И в тебе, Лия, — он сдавил ей сосок, и Наstя взыла, как

Тамила, — и в тебе есть этот ангел и этот дьявол.

Он вдруг без предупреждения прильнул к ее рту. Настя чуть не подавилась, — а он, всасывая ее в себя, поднял Настю из кресла и обхватил между ног, удерживая почти в воздухе.

Влажный, бесцеремонный его язык залепил Насте дыхание, рука расперла хлюпающее влагалище...

— Мнэээ! — ревела Настя, чувствуя, что Тамила кричит ее криком. Она была на волосок от оргазма, и этот волосок щекотал ее в самой сердцевине, в самой глубокой глубине...

И Эльмаро, уложивший ее на постель, вдруг наполнил ее туго, мясисто, подбирайсь к той самой глубине. Это был чудовищно странно, непривычно, дико и может быть, больно, — Настя не знала, оглушенная новым ощущением члена в теле.

— Двигай бедрами, — учил ее Эльмаро. — Двигай-двигай, не бойся. Ты уже сильно возбуждена, тебе должно быть кайфово. Поймай кайф. Ну! Лови! Лови...

И Настя поймала! Раз, другой качнула бедрами, подмахивая навстречу Эльмаро — и вдруг наполнилась неописуемым чувством полноты и влаги. Член, натянувший ее, утолял телесный голод и дразнил его еще сильнее, утолял и дразнил, утолял и дразнил, распирая ей глубину глубин...

Это нельзя было ни описать, ни запомнить. Настя плавилась под Эльмаро, раскачиваясь с ним в этой райской качеле, и это было долго, долго, и все это время наслаждение усиливалось, пока не взбухло в ней смертельно, и Настя не кончила, надорвав глотку...

— Вот это уже немного похоже на настоящий секс, — сказал Эльмаро, поглаживая ее.

Голос у него был то ли уставший от любовной гонки, то ли грустный.

— Похоже? — певуче переспросила Настя. Вся она была полна сладким медом, и голос у нее был медовый, и взгляд, и улыбка. — Если это «похоже», то как же тогда «настоящий»?

— Настоящий — это когда не только я тебе, но и ты мне. Когда мы общаемся и в наслаждении узнаем друг друга лучше и глубже, чем в жизни. Понимаешь?

— Дааа... — блаженно тянула Настя.

— Ничего ты не понимаешь. Вот я для тебя сейчас кто? Наглый, гениальный, охуительный, злобный и самодовольный говнюк, правильно?

Настя пыхтела.

— А ты для меня — нежная славная девочка, которую я эпатирую и дразню, чтобы выбесить нахуй и превратить такого же гениального говнюка, как я... А какие мы настоящие — мы с тобой так и не знаем... Спи, я вижу, что тебя уносит. Я буду здесь, Настя. Буду с тобой...

Он гладил ее, все нежней и нежней касаясь кожи. Вскоре Настя посапывала, блаженно изогнувшись на его кровати и не заметив, что он снова назвал ее Настей.

Накрыв ее одеялом, Эльмаро встал. Потом подошел к экрану, где застыл последний кадр порноролика.

— Тамила... — шептал он, всхлипывая, как девчонка.

Прошло полгода.

Каждый день Насте казалось, что он забит событиями доверху и не имеет конца. Но — удивительная вещь — недели и месяцы летели быстрее, чем дни. Эльмаро полностью занял все ее время, 24 часа в сутки. Он не позволял ей даже съездить к родителям. Ночью, во сне он крепко держал ее, как плющевого медведя. Остальное время было занято бесконечными занятиями и сексом, плавно перетекающими друг в друга.

Секс для Эльмаро действительно был чем-то очень близким к танцу и необходимым для него. Настя поняла это не сразу, а только когда сама научилась проявлять инициативу, возбуждать Эльмаро, управлять его наслаждением и общаться с ним на равных. Тогда-то она смогла чувствовать его телом и сохранять это чувство в танце. Она сама видела, как это важно, и старалась изо всех сил. Это были самые настоящие уроки, которые отличались от всех остальных только тем, что были неописуемо приятны, но не менее изнурительны, чем танцевальные репетиции. Секс для Нasti было настоящим трудом. За месяц-другой она превратилась в опытную гетеру, знающую многие тонкости мужского тела. Такая гетера была невозможна в девочке с косой, но отлично гармонировала с белоголовой Лией.

Эльмаро постоянно ставил ей свои порноролики с Тамилой, которых наснимал огромное количество. Свой секс с Настей он тоже непрерывно снимал и показывал ей, устраивая разбор полетов. Он никогда не говорил во время секса, что не так, приберегая критику на просмотр записи. Вначале Настя лопалась от стыда, наблюдая воочию, как ее ебут во все три дыры (ее рот и анус потеряли девственность в первую же неделю), но потом привыкла, и стеснение ушло — осталось чисто деловое отношение к теме. И, конечно, возбуждение, неизбыточное острое возбуждение, которое Настя научилась поддерживать в себе, как сценический тонус. Возбуждения всегда было больше, чем манипуляций — таков был главный принцип; Эльмаро умел следить за этим и научил Настю.

В сексе с ним Настя испытывала смертельное, ни с чем не сравнимое наслаждение, — она не знала, что такое возможно, и опыт прикосновения к темным глубинам тела сильно изменил ее. И, что еще важно, — она научилась дарить такое же наслаждение Эльмаро. Их секс, когда она стала умелой любовницей, был игрой двух равноправных игроков, азартно возбуждающих и мучающих друг друга. Это было как бы пари — «а тебе слабо?», эдакая гонка на выносливость, где на кону было — кто сильней возбудит партнера, дольше продержится, не кончит и не растратит возбуждение. Самым запредельно острым и мучительным был не оргазм, а момент его неизбежности — сладкий проигрыш, когда партнер вдруг понимал, что больше не может. Это было, как если бы Настю ловили в догонялках, — она испытывала перед этим моментом самый настоящий страх, вкусный и волнующий, который не притуплялся с опытом, а возрастал. Кончать она умела по пять минут кряду. После такой пытки Настя ничего не могла делать и мгновенно засыпала на несколько часов.

В их сексе было совсем мало тепла и нежности. Точнее, их не было вовсе. Ласки Эльмаро были игрой «ты не выдержишь и лопнешь от наслаждения», а не эмоцией. Он прямо говорил об этом:

— В танце эмоции должен испытывать зритель, а не танцовщик. Тут как в сексе: опыт, холодный расчет и много-много возбуждения. Теперь ты понимаешь, почему настоящая страсть всегда холодна?

Нежность он позволял себе только после секса. В эти минуты изможденный Эльмаро делался грустным и гладил Настю, не оставляя ее, хотя мог отвернуться и заснуть. Она обожала эти минуты, ждала их пуще оргазма и чем дальше — тем больше злилась на Эльмаро, что их так мало и что он такой скупердяй.

Их репетиции были очень похожи на секс. Они были такими же изнурительными, азартными, волнующими, и в них Эльмаро тоже никогда не критиковал Настю, приберегая все замечания на просмотр записи. Они с ним проходили огромный объем материала, повторяя все шоу с Тамилой, а также шоу других танцовщиков, и Эльмаро требовал, чтобы

Настя не только повторяла танец, но и критиковала, и вносила в него что-то свое, делая его лучше. «Если ты не можешь лучше всех — ты никто», говорил он ей. Он не унижал Настю, но требовал от нее самоотдачи на 120%, и Настя видела, что она не справляется. Удивительно: чем больше она умела — тем больше понимала, как мало умеет. Эльмаро был непревзойден, как и Тамила. Если в сексе Настя была уже равноправна с ним, то здесь постоянно чувствовала его уступки. Их танцы были очень чувственны, но без какого-либо намека на непристойность. Настя помнила, что Эльмаро с Тамилой всегда были одеты в обтягивающие трико, полностью закрывавшее тела.

— В том-то и парадокс, — говорил Эльмаро. — В нашем танце не должно быть ничего развратного, но зритель должен думать, что мы с тобой занимаемся сексом. Иначе его не проймешь.

Тамила присутствовала в каждом миге их жизни. Она была Настиным учителем — Эльмаро прямо заставлял подражать ей и в танце, и в сексе: «вначале научись тому, что умела она». Они не выступали на публике — Эльмаро готовил Настю к их первому совместному шоу, которое было запланировано на апрель, а до того постоянно выступал с ней на закрытых показах, где зрителем была его команда.

— Танцовщик без зрителя — труп, мертвая батарея, — говорил он. — Ты можешь репетировать хоть до посинения, но если твой танец никто не видит — он никого и не тронет. Этим он отличается от секса. Тамила это хорошо понимала.

Настя обожала и ненавидела ее. Тамила была красивее, взросле, опытнее, талантливее Насти. Та понимала, что Эльмаро выбрал партнершу «на безрыбье», поторопившись заполнить пустоту в своей жизни, и чувствовала себя безжизненным куском материи, которая пригодилась только для того, чтобы залепить ею дыру.

Сам Эльмаро никогда не говорил о Тамиле, кроме разборов ее танца и секса. Лишь однажды Насте удалось разговорить его — когда она увидела, как он плачет над ее фотографией, а он понял, что она увидела это, и просто уйти было нельзя.

— Как это случилось? — спросила Настя, обняв Эльмаро.

— Авария. Машина влетела в электробудку сразу за этим домом. Искра, взрыв... Я не мог даже поцеловать ее, мертвую, — говорил Эльмаро, взяв Настю за руку. Он был благодарен ей за участие. — Она была прекрасным водителем, лучше меня. Она научила меня водить...

Настя уже и сама умела водить. Раньше у Эльмаро с Тамилой были две машины, а теперь осталась одна. Эльмаро собирался купить вторую, но откладывал покупку до их первого шоу. Получалось, что машина должна была быть поощрительным призом Насте, и это ее немножко обижало.

Трудней всего ей давалось не вождение, а парковочная премудрость. В элитном доме, где жил Эльмаро, был свой паркинг, который непрерывно достраивался, и из-за этого все время менялась система нумерации блоков. Казалось бы, чего проще — каждый оставляет машину на привычном ему месте, — но нет: система совершенствовалась, блоки перегораживали, и Насте приходилось по полчаса путешествовать по полутемным коридорам. Никакие скандалы не помогали: имелось в виду, что все это для блага жильцов.

Однажды Настя, среди ночи встав в туалет, подсмотрела странную сцену. Эльмаро, сидя на кухне, пил мартини из бутылки, глядя мокрыми глазами на планшет, и бормотал:

— Ты получила по заслугам. И все-таки ты получила по заслугам...

Увидев Настю, он замолчал.

Помедлив, она подошла к нему и обняла, как обнимала подруг-девчонок. Конечно, на планшете было фото Тамилы.

— У нее сегодня день рождения, — глухо сказал Эльмаро, — и мы чокаемся с ней.

Настя поцеловала его. Она крайне редко делала это (любовные игры были не счет).

— Идите спать. Идите ко мне, — шепнула она.

— Хорошо, — кивнул Эльмаро.

Они вернулись в кровать, и Настя впервые занялась с ним сексом не «для дела», а «просто так».

В этом сексе было много, много эмоций: Настя оседлала Эльмаро, обтянув собой его член, и дарила ему наслаждение и тепло, выплескивая всю себя без остатка, окутывая его поцелуями, в которых было поровну возбуждения и утешения. Здесь не было игры и соперничества, а была только материнская, сестринская, безоглядная женская нежность и участие. Настя сама кончила от своих эмоций, и ее слезы смешались со слезами Эльмаро. Он впервые благодарно тыкался в нее, и она засыпала, полная и счастливая своей любовью. И только где-то на задворках сознания маячил вопрос:

— Почему Тамила «получила по заслугам»?..

Эта ночь оставила в Насте странный осадок. В их визави с Эльмаро что-то изменилось.

Вернее, они оба знали, что: этот упрямый микроб эмоций все-таки проник в них, угрожая разбалансировать все кропотливо выстроенное здание их партнерства. И Эльмаро вытравливал его, став холодным и насмешливым, как в первые дни их знакомства:

— Bay! Сколько соплей! — говорил он, просматривая очередное их видео. — После такого танца весь зал побежит к лору...

И Настя прятала поглубже ком в горле, чтобы Эльмаро, не дай Боже, не заметил, как ей больно.

Тайком от него она решила расспросить его команду о Тамиле. Тема была благодарная, и девушка, к которой обратилась Настя, под соусом девичьего шушуканья вывалила ей все, что умеют вываливать девушки о других девушках:

— Она, по сути, сделала его. Когда она блистала, он был еще никому не известен. Она и учила его, и кормила, и трахала. Она была жуткой стервой и мешала всех с грязью, но она сделала из Антоши Колесниченко великого Эльмаро.

— Антоши? — изумилась Настя. Она называла его Артуром Роландовичем.

— Ну да. Это потом он начал придумывать себе «тайные имена». Сначала стал Роландом, потом переименовался в Артура...

— Они ругались? — спросила Настя.

— О! — закатила глаза девушка. — Оoo! Не то слово! По всей Москве клочья летели. И из-за бабок у них были разборки. Тамила хоть и отдавалась ему вся с потрохами, но и брала себе больше.

Переварить все это Насте было труднее, чем свое превращение в Лилю. Крушение легенды слегка сместило ей точки опоры, и она три часа колесила по Москве, превышая скорость.

Наконец, обвшанная штрафами, она въехала в родной паркинг.

— Да ёб же ж твою мать! — изрыгla она, объехав его трижды по периметру. — Извините! Простите! Вы не подскажете, как мне в этом долбаном паркинге найти, блядь, свое место? — спросила она у парковщика в оранжевой жилетке.

— Дэвушка, нэ горячысь, — миролюбиво сказал тот, подсев к ней. — Ща все найдем. Какой у тэбя номэр?

Они обехали с ним по периметру еще три раза.

— Навэрно, врэмэнний, — бормотал тот.

— Какой еще времененный?! Я здесь уже полгода живу!!! ..

— Нэ горячысь. Щас все сдэлаем. Ставь пока свой машина в этот блок.

— Но это же чужой блок?

— А чужой поставыт машина в другой чужой блок...

— И часто у вас так бывает?

— Биваэт. Все врэмя строят, все врэмя новый жильцы паркуются... А у тэбя машина, как у тот дэвушка, который тут в аварый умэр, — сказал парковщик.

— Тамила? — ахнула Настя.

— Нэ знаю, как ее зовут. Машина помню — лэндровэр фрилэндер второй, как у тэбя. Я тогда был там. Она в будка врэзался, и — вухх! — парковщик изобразил взрыв.

— Что, точно такая? Ну, машина?

— Да. У нее с мужем двэ одынаковых машина. С одынковыми ключами. Вэчэром он под ее машина что-то дэлал, чыныл. Нэ почыныл, значыт. Нада было мастэр визивать. Я хароши мастэр, твой машина как родной знаю...

— Вы говорите, что Эльмаро что-то делал с машиной Тамилы перед тем, как она погибла?

— Чыныл, я жэ говорю. Я там прахадыл, выдэл. Я нэ дэжурил, просто прахадыл другой машина чынить. Я би сказал — дарагой, нэ надо, давай я твой машина почыню, — но у мэнэ ждал другой машина чынить...

— А почему вы думаете, что это ее машина, а не его?

— Пачиму, пачиму... Она на нэй уехалъ.

Настя дала ему на чай и медленно пошла домой.

— Где ты была? Почему телефон не отвечает? Послезавтра шоу! Это твой дебют! Ты понимаешь вообще? — орал на нее Эльмаро, как на маленькую.

— В пробку попала, — сказала ему Настя.

В тот день она репетировала с ним долго, долго, до адской боли в ногах и спине, и вечером не дала себя трахать, сославшись на головную боль. Эльмаро стал делать ей массаж, и Настя не смогла протестовать, потому что это было одуряющее приятно — до звездочек в глазах, до сладкой пронзительной боли в каждом нерве.

С наслаждением в нее вошел и сон. Засыпая, она думала — «интересно, когда ему захочется убить меня, как он убил Тамилу?»

Наступил долгожданный день премьеры.

Настя была на каком-то непрерывном взводе, не отпускавшем ее даже во сне. То, что она узнала про Эльмаро, заслонило для нее и волнение перед дебютом, и все-все-все эмоции, которые могли бы заполнить нервы, если бы не... Ее ум был занят только одним — «как быть с Эльмаро», — и сейчас, и вообще.

Перед шоу ее заново остригли, оставив короткий платиновый пух, и выбрали узоры на висках и на затылке. Дерзко накрашенная, одетая в мерцающее трико-металлик, ослепительная, властно-холодная Настя вдруг прониклась своей внешностью, ощущив в себе серебристый холодок своей злости.

— Боишься? — спросил Эльмаро, сверкая своей фирменной улыбкой.

— На сцене увидите, — сказала Настя.

Шоу, к которому она готовилась полгода, мелькнуло быстрее, чем ее одевали и красили, — так, во всяком случае, ей показалось. Она не знала, волнуется она или нет. Огромный космос зала не подавлял, а возбуждал Настю, ставшую Лией; «я вам покажу!» — звенело в ней, и серебристая злость наполнила ее током, который сделал тело стремительным и сильным, как тайфун. Впервые не Эльмаро, а она была на шаг впереди; впервые отставала не она, а он, — Лия вела его, дразнила, сливалась с ним и бросала его, игралась им, как марионеткой, и нараставшее возбуждение не сковывало ей ни мысли, ни тела, вливаясь только в азарт, который делался все острей и холодней, как ледяная спица. После шоу она вдруг разрыдалась в артистической, хоть до того не чувствовала в себе никаких эмоций, — будто прошла анестезия и оттаяли замороженные нервы. Зал бушевал, и она выбегала миллион раз, заплаканная, бешеная, с размазанной по лицу краской, и такой попала во все медиа, забитые на следующее утро рыдающей Снежной Королевой. Физиономия Эльмаро мелькала там раз через пять, смешавшись с подтанцовкой.

Его реакция обескуражила Настю: после шоу он смотрел на нее, как на привидение, а потом вдруг обхватил, выдавив весь воздух, и держал в объятиях, пока Настя не запищала.

— Спасибо, — сказал он, и Настя не знала, что ей с этим делать.

Она вдруг стала публичным человеком: каждый ее шаг сопровождался камерами, вспышками и гурьбой назойливых людей. Несравненная Лия была сенсацией сезона. Ей было странно видеть своих родителей — гостей из другого мира; и им было странно видеть гламурную суперстар, в которой ничего не осталось от их дочери, даже улыбки. Они прилетели на премьеру за счет Эльмаро, пожили два дня в Хилтоне и улетели, не поделив Настю с легионом элитных пиджаков и декольте. Настя извинялась, как могла, и их отъезд остался в ней занозой, от которой хотелось выть.

Все билеты на питерское представление были проданы, шоу звали в несколько стран, и Эльмаро торговался, поднимая цены.

В ночь после выступления он трахал ее, и Настя не могла ему отказать. Ее тело хотело по привычке вступить в игру, но Эльмаро не дал ей:

— Нет, Настя. Это твой пир. Сегодня ты королева, а я твой паж и невольник. «Порой слуга, порою милый, и вечно — раб... «Лежи, вкушай, отдавай приказы, — я сделаю все и даже больше.

И он превзошел себя, хоть Настя и стеснялась «отдавать приказы». Он натер ее ароматным маслом, массировал ей какие-то точки на теле, от которых в кровь шли горько-сладкие волны, потом вставил вибратор ей в анус и довел до оргазма каким-то молниеносным и жестоким способом, от которого Настя впервые пустила фонтан, вымочив всю постель, и делала так целых четыре раза — пока не размазалась беспомощной лужицей в объятиях Эльмаро, впервые целовавшего ее не дляекса, а просто так. Его поцелуи застывали щемящими волчками на лице и на груди Нasti, и она засыпала в смятении, разрываясь между блаженством и страхом. И во сне ее преследовали эти тени — красная и черная, сладкая и горькая, горячая и ледяная, и она убегала от них обоих...

— Шоу больше не повторится. Я уезжаю домой, — сказала она через день.

Эльмаро сопротивлялся, как мог.

Он насмехался над ней и включал музыку, приглашая ее кончать эту хуйню и репетировать.

Настя держалась.

Он кипел, бушевал, угрожал ей неустойками, судами, счетами и прочими ужасными караими. Настя предвидела это и терпела, приберегая последний аргумент на тогда, когда будет далеко, вне досягаемости.

Но у него быстро закончился порох. С угроз он перешел на просьбы, на мольбу, с мольбы на жалобы, стал клянчить и канючить, как девчонка. Настя терпела изо всех сил, хоть это выдержать было гораздо труднее.

Наконец он стал сулить ей подарки: делить доход пополам, ибо она уже равна ему, купить ей брюлики, поездку по всем чудесам света, супер-пупер тачку... Это было уже совсем невыносимо — не потому, конечно, что Настя соблазнялась его предложениями, просто этот глупый способ удержать ее выглядел так отчаянно, что она таяла против воли.

— А кто ее чинить будет, эту тачку? Неужели вы? — не удержалась она, тут же прикусив язык. Эльмаро удивленно посмотрел на нее.

— Чего вздыхаем? — несло Настю, хоть она и орала себе — «тормози!»

— Да так. Вспомнил кое-что.

— Что?

— Неважно.

— Расскажите!

— Зачем, если ты все равно не хочешь быть со мной?

Настя попала в ужасный пат. Страх еще никогда не побеждал в женщине любопытство, и она стала канючить, как только что канючил Эльмаро:

— Расскажите! Ну расскажите!..

Она готова была обнять его и стать нежной, хоть к ране прикладывай, — но он уже говорил:

— Нечего рассказывать... Перед тем, как Тамила ушла, у меня стала барахлить машина. Я это увидел, когда перегонял ее из одного блока в другой из-за этих вечных глюков с нумерацией. По-моему, что-то с тормозами... Я даже слегка впаялся бампером в край. Проторчал полчаса в боксе, пытался разобраться... Ни хрена не понял, конечно. Я в машинах пень. Это Тамила разбиралась во всем, как мужик. Она и водить меня научила, и крутила там все сама... Тебя девчата подговорили уехать, я знаю...

Он замолчал.

Настя слушала, дрожа от напряжения. Потом сказала:

— Извините, мне надо кое-куда... Срочно!

У парадного дежурила стайка репортеров, и Настя юркнула в черный ход. Она оббегала весь паркинг и весь двор, пока нашла того самого парковщика.

— Добрый день! — орала она ему, будто ждала этой встречи лет десять. — Мне очень-очень надо кое-что у вас спросить...

— Быль ли пэрэстановка номеры, когда погыб тот дэвушка? — переспросил тот. — Давно это быль. Число-мэсяц помныш?

Настя не помнила и чуть было не полезла набирать Эльмаро. «Дебилка!» — обругала она себя.

— Хотя падажды... Быль пэрэстановка, точно быль! Я тогда одын машина чыныл и нэ мог его найты... Точно быль! Тогда он самий пэрвий раз быль, этот пэрэстановка...

Настя так медленно и сосредоточенно шла назад, что совсем забыла про репортеров. На нее

обрушились вопросы, на которые она ответила пятьдесят раз вчера и позавчера.

Юркнув в парадное, она снова погрузилась в размышления.

Значит, Тамила просто перепутала машины. Ведь у них были две одинаковых... Но как она могла перепутать? Как она могла не посмотреть на номер машины?

Настя вдруг застыла в коридоре. Странная и жуткая мысль пришла ей в голову...

Эльмаро сидел на кухне. В руках у него была бутылка мартини и все тот же планшет.

У Насти защемило в горле. Она подошла к нему, и он убрал фотку, но она все равно успела увидеть, что там была не Тамила, а рыдающая Снежная королева.

— Смотри, — сказал он. — Я только что отоспал текст. Афиши переделают.

Настя читала: «Несравненная Лия и Эльмаро...»

Она не знала, плакать ей или смеяться, и поэтому просто закашлялась.

— Антон, — сказала она...

Эльмаро поднял брови.

— Откуда ты знаешь? — спросил он. — Девчата продали?

— Нет, — соврала Настя. — Просто узнала...

Они смотрели друг другу в глаза. Напряжение стало невыносимым, и Настя начала:

— Антон... Я раздумала уезжать, да. Шоу mast go он, хе-хе... И я хотела сказать тебе одну вещь... Скажи, ты никогда не думал, что... что Тамила...

Она не могла продолжать. Эта картина стояла перед ней, как наяву — Тамила, испортившая Эльмаро тормоза, чтобы тот разбился, не может найти свой бокс, натыкается на его машину вместо своей... и вдруг ей приходит в голову эта мысль. «Сама судьба вывела меня сюда.

Значит, я сама должна испытать то, на что обрекла его...»

Эльмаро смотрел на нее своими грустными, дьявольски умными глазами.

— Ты хотела сказать, что она сама виновата в том, что случилось? — спросил он. — Я это знаю. За день до того мы страшно поссорились... Ты умная, ты догадалась. И все равно я люблю ее. Но... тебя я люблю еще больше. Я хочу, чтобы мы были вместе. Бог послал мне тебя вместо нее.

Настя ожидала чего угодно, только не этого.

— Давай выпьем за упокой грешной души Тамилы, — сказал он. — И...

И потом был секс.

Это был не обычный их тренировочный секс. Это было то, о чем Настя столько мечтала:

Эльмаро целовал ее, как в последний раз, и она его тоже...

— Только не вздумай вытворять такое на шоу, — шептал Эльмаро, мокрый от ее слюны.